

Спецназ

Иван Козлов

Клятва сбитого летчика

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Козлов И.

Клятва сбитого летчика / И. Козлов — «Эксмо», 2016 — (Спецназ)

Начало 1970-х. В небе над Вьетнамом сбит советский истребитель. Летчик захвачен в плен американскими морпехами. Руководство США начинает шантажировать советское правительство, требуя освободить задержанных в Москве американских шпионов. В противном случае мировая общественность получит доказательства участия СССР в военном конфликте. Решить вопрос можно только одним способом – вызволить советского летчика из плена. Провести эту опасную операцию поручено группе спецназа ГРУ под командованием капитана Платова. Разведчикам предстоит действовать в труднопроходимых джунглях под носом у хорошо вооруженных безжалостных оккупантов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Козлов И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Паршивые вести	5
Быт капитана Платова	7
Проводы	9
Дивизион	10
Лэнгли, штат Виргиния. Штаб-квартира ЦРУ	12
Вьетнам. База «Зет 421:52»	14
Первая потеря	15
Экспедиция энтомологов	17
Время пошло	21
Кино, да и только	23
В ночном ресторане	24
Знакомство. Циркач	26
Ничего еще не решено	28
День на исходе	30
Ничего интересного	31
Два летчика	32
Информация для размышления	34
Ну как же без рыбалки?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Иван Козлов

Клятва сбитого летчика

Паршивые вести

«15 июля в восемнадцать тридцать, район Кыатунг, сбит борт семь-четырнадцать. Летчик захвачен американским спецназом. Макс».

С Левшой было что-то не то. Боль сидела у Левши в глазах.

Полковник еще раз оглядел застывших перед ним в шеренге бойцов и задал вопрос их командиру:

– Итак, все в порядке, Левичев?

Тот старательно смотрел поверх его головы:

– Так точно, товарищ полковник.

– Все в полном порядке, товарищ капитан?

Полковник редко когда задавал один и тот же вопрос, но если задавал, то, конечно, неспроста, и подчиненные знали об этом. Левичев сделал глубокий выдох:

– У Левши зуб...

Левша тотчас подал голос:

– Я его вырву, товарищ полковник! Подумаешь, зуб...

Полковник перебил его:

– Не думал, что мне вам в этом кабинете придется объяснять, чем это может закончиться при выполнении боевой операции. – И бросил взгляд через плечо на стоящего у дверей майора. – Значит, так. Группа Левичева к вылету не готова. Оргвыводы оставляю на потом, но они будут. Кто у нас в резерве?

– Платов, – коротко ответил майор.

Зазвонил телефон.

– Связывайтесь с Платовым, – отдал команду Полковник, жестом показал, чтоб бойцы покинули кабинет, и только потом взял трубку.

Звонил Литвинов, их куратор из дома номер четыре, что на Старой площади.

– Виктор Семенович, – сказал он. – Я в детали еще не посвящен, меня с кровати подняли. Что там произошло с этим Бабичевым? Почему он взлетел? Он же не должен был взлетать!

Полковник посмотрел на огромные напольные часы: было без четырех три ночи.

– Так точно, не должен был. Но американцы стали бомбить аэродром, и инструктор решил спасти машину. Он, оказывается, и раньше такое проделывал, все обходилось. А на этот раз его караулили «корсары»...

– Истребители «Ф-4»? – Литвинов разбирался в военной технике. – Они появились там совершенно случайно?

– Нет, конечно. И «корсары», и их спецназ... Я уверен, это была продуманная операция.

– Паршиво, крайне паршиво. Понимаете, какой важности задача перед вами поставлена?

Полковник опять взглянул на циферблат:

– Группа через один час семнадцать минут вылетает.

– Кто ее возглавит?

– Опытный человек.

Литвинов нервно кашлянул, видно, он ждал более подробного ответа, но тему продолжать не стал:

- Прошу докладывать, постоянно. Вы лично будете борт провожать?
- Так точно, Сергей Сергеевич.
- Тогда из аэропорта – сразу ко мне. Есть информация, которая не телефонная. Грубой гитарной струной трижды запели часы.

Быт капитана Платова

Капитан Платов был стариком. Не таким глубоким, конечно, как Полковник, тому вообще за полтинник перевалило, но и неполные тридцать шесть тоже возраст.

Платов стоял закутанный по пояс в простыню на балконе своей «однушки». Квартиру он получил около полугода назад в старом обжитом районе, на третьем этаже. Тыловик при этом сказал: «Платов, нет у нас права двухкомнатную тебе давать. Но как только женишься – в новом доме и с улучшенной планировкой, обещаю!»

Платов жил и на съёмных, и в общагах, так что для него и эта – роскошь. Да еще под балконом сирень, только недавно отцвела, но сохранила запах, любимый с детства. У бабушки в деревне, что на Оке, один угол сада был отдан сирени. Там вили гнезда и пели синегрудые варакушки.

Тут поют пацаны. Их двое, один с гитарой, между ними на лавочке сидит молчаливая девочка.

«Хмуриться не надо, Лада,
Для меня твой смех награда, Лада!»

У Платова нет ни слуха, ни голоса, и как все, обделенные этими качествами, он любит подпевать. Тихо, чтоб только сам себя слышал.

«Нам столетья не преграда,
Нам столетья не преграда...»

Дробно, как синичка, застучали за спиной в окно. Это Настя. Она сидит на кровати, закутавшись в простыню, поджав под себя ноги, и манит его пальчиком. Тем самым, которым только что стучала. В другой руке у нее бокал с шампанским. Платов качает головой: мол, погоди, еще немного постою, посмотрю на звезды, послушаю молодежь. Тогда Настя показывает ему кончик языка и начинает как из белой скорлупы вылупливаться из простыни. Вот плечи показались, вот грудь... Не до конца, но почти до самого интересного места.

Платов заходит в комнату. Садится не на кровать, а к журнальному столику. На нем – свеча в подсвечнике из начищенной гильзы, тарелка с черешней, бутылка шампанского. Один бокал пуст, второй – у Насти.

– Ты сделаешь меня алкоголичкой, – говорит она. – Я уже столько выпила! А ты – ни глотка. Когда закончится твое резервное дежурство или как оно там называется?

– Пусть будет так и называться, – улыбнулся Платов. – Ровно через девяносто семь минут. И если к этому времени в бутылке что-нибудь останется...

– Как тебе не стыдно! Я всего несколько глоточков сделала!

Платов словно не слышит ее, продолжает свою фразу:

– Ровно через девяносто... теперь уже шесть минут я скажу тебе одну важную вещь, Настя. Если помнишь, мы познакомились год назад, день в день. – Он покосился на полки с книгами, где была припрятана со вчерашнего дня шкатулка с перстеньком. – Думаю, за это время мы уже знаем друг друга так, что...

Телефон рывкнул котом, которому наступили на хвост. Настя даже вздрогнула и нырнула с головой в простыню:

– Ой, это мама!

Будто мама могла ее сейчас увидеть!

Платов тотчас взял трубку:

– Да... Есть!.. Конечно, готов.

И уже обратился к Насте:

– У нас с тобой десять минут, девочка. Через неделю приеду и скажу все, что хотел...

Она тотчас сорвалась с кровати и побежала на кухню:

– Десять минут... Я бутерброды нарежу и кофе в термос налью.

Он стал одеваться, оглядывая свою холостяцкую комнату. Пуста была комната. Даже одежду он держал на стуле. На стене висела лишь пара полок с книгами. Все остальное пространство было завешено фотографиями Женщины. Вот Настя в его кителе, вскинула ладонь к козырьку фуражки, вот среди ромашкового поля, вот в парке у озера кормит лебедей, вот в стиле ню прикрывает рукой обнаженные груди...

Она кричит из кухни:

– Ты куда едешь, если не секрет?

– На юга.

– Господи, завидую, загорись там и накупаешься.

Платов уже одет и смотрит в окно. Армейский «газик» выворачивает из-за угла дома, подруливает к его подъезду. Он идет к двери, Настя на бегу укладывает в его сумку пакет с едой. У порога Платов протягивает ей ключи:

– Как всегда – бросишь их потом в почтовый ящик.

Проводы

Черная «волжанка» летит по пустой ночной трассе, лишь чуть замедляет ход, сворачивая на дорогу, где висит знак «Поворота нет». Чуть дальше поворота – шлагбаум. Машина резко замирает, из нее выходит Полковник. Его встречают трое, в числе их – Платов. Полковник выслушивает короткие доклады, потом вместе с Платовым спешит в сторону летного поля, где угадываются контур стоящего самолета и четверо бойцов около трапа.

– У твоих зубы не болят?

– Ни поноса, ни чесотки, товарищ полковник.

– Отдохнуть я вам после недавней командировки не дал, но так уж обстоятельства складываются, извини.

– Все нормально, товарищ полковник. Отъелись, отоспались.

– У тебя один новичок?

– Семин. Но он в других группах работал, говорят, вроде ничего. К тому же там уже бывал, знает лично Кана.

– Это плюс. Но не дело, конечно, что вы еще притереться не успели. Приструнивай его почаще. Горячий парень.

Увидев приближающихся Полковника и Платова, четверо бойцов у трапа выстраиваются в шеренгу.

Полковник знает каждого из них. Но сейчас они сядут на борт, трап втянется за ними, и с той минуты у них не будет ни фамилий, ни имен, ни званий.

Они уже знают задачу. Инструктаж не требуется. Напутствия и пожелания – тем более.

Загудели двигатели, чуть дрогнуло стальное тело самолета. В шуме не слышно команды, которую подает бойцам Платов. Те по одному входят в салон, никто не оглядывается.

Самолет порулил на взлетку.

Полковник резко развернулся и пошел к своей машине. Метра за три от нее возник человек в штатском, молча протянул Полковнику невзрачную картонную папку. Тот прочел ее содержимое, без всяких эмоций на лице кивнул и возвратил обратно.

– Буду в девять, – сказал он, и человек в штатском тотчас отступил в предрассветную темноту.

Водитель открыл Полковнику заднюю дверцу «волжанки»:

– Домой, товарищ полковник?

Полковник не спешит занять место в машине, смотрит на разгоняющийся и резко взмывающий вверх самолет. Говорит тихо, сам себе:

– Удачи тебе, Пятый.

А водителю приказывает:

– На Старую площадь.

Усаживается на сиденье, прикрывает глаза, повторяет про себя текст только что прочитанной шифрограммы:

«Группа Кана готова встретить Пятого условленном месте. Макс».

Дивизион

Дивизион майора Татарцева, другими словами, полигон стартовой батареи, ничем особым не выделялся, был как и все остальные, размещенные на вьетнамской земле. Комплексы зенитных ракет «С-125» по периметру, внутри – кабины, где находятся операторы, координаторы... Это передвижные вагончики, накрытые маскировочными сетками, с антеннами, то одинарными, то сдвоенными. На территории его и размещался личный состав – двенадцать солдат и офицеров в должностях советников и двадцать пять местных бойцов. Наши ходили только с фляжками, без оружия, без знаков различия, в легких китайских штанах, коротких резиновых сапогах, однотонных рубашках-безрукавках.

Сам майор Татарцев носил еще офицерский планшет. В нем покоились остро отточенные карандаши и чистые листы бумаги. Трудно сказать, зачем все это было ему нужно, записей никто никаких тут не вел, для служебных дел существовали соответствующие журналы. Язвительные языки говорили, что раз погоню нет, то командиру все равно надо чем-то отличаться, вот и сгодился для этого планшет. Впрочем, говорили это без зла, поскольку Татарцев слыл мужиком спокойным, добрым даже, и чтоб его вывести из себя – это надо постараться.

Постарался лейтенант Пирожников, и майор, встретив его у операторской, сердясь, кажется, больше на себя, что вот приходится в таком тоне строить беседу, зашлепал в такт каждого своего слова ладонью по планшету:

– Предупреждаю, товарищ лейтенант, если еще раз повторится такое, как вчера, – прости-прощай! Напишу рапорт – и пусть с вами в Москве тогда разговаривают, понятно?

Пирожников почти на голову выше Татарцева, но взгляд его наивен и чист, как у ребенка. Он, кажется, искренне не понимает, за что с него снимает стружку командир.

– Так я ведь ничего же, товарищ майор!

– Как это – ничего? Ты мне тут ваньку не валяй! Отлучился из расположения, пришел с запахом женщины – и считаешь, что все так и надо?!

Пирожников фыркнул, глядя себе под ноги. Татарцев опять забарабанил по офицерской сумке:

– А смеяться нечего. Это, товарищ лейтенант, политическая ваша безграмотность. Тут французские империалисты, понимаешь, местных женщин развращали, в страхе держали, мы должны их к новой жизни поворачивать, а ты, товарищ лейтенант...

– А я поворачиваю, товарищ майор.

Татарцев стал ловить губами воздух, он даже не находил слов, какие можно было бы сейчас адресовать подчиненному. Пирожников понял, что зарываться дальше нельзя, что так действительно можно нажать неприятности, и стал исправляться:

– Я в том смысле, что учу их, как надо жить. Я же с добрым сердцем к ним.

– Знаю я, где твое доброе сердце растет...

Тут из вагончика высунулся боец:

– Вас к телефону, товарищ майор!

Татарцев, кажется, с облегчением нырнул в кабину, но с порога постучал по планшету:

– Запомните, товарищ лейтенант: еще раз такое повторится – и прости-прощай!

Пирожников горестно вздохнул, пошел мимо зачехленных ракет в тень дерева, где стоял капитан Петров и пил воду из фляги.

– Слышал, Саня? – Пирожников взял у того флягу, тоже попил, а остатки воды вылил себе на голову.

– Пирожок, а что вьетнамки, действительно ничего? – спросил Петров.

Лейтенант лишь поднял большой палец.

Где-то далеко слышалась перестрелка – автоматные и ружейные выстрелы. Офицеры за недолгое время пребывания здесь все равно уже привыкли к этому.

– На ничейке бабахают, – только и сказал капитан.

Лэнгли, штат Виргиния. Штаб-квартира ЦРУ

Уилсону около шестидесяти, улыбка, кажется, никогда не покидает полноватое лицо, и очки в тонкой золотой оправе делают его привлекательным. Член администрации президента, он в Лэнгли бывает чаще, чем в Вашингтоне. Здесь тоже есть его рабочий кабинет. Туда он и направляется в сопровождении генерала Чейни. Этот сух, высок, смугл от солнца и ветров – словом, невооруженным глазом видна военная кость.

Разговор они начинают, расположившись за столом.

– Я так понимаю, у вас хорошие новости, господин генерал?

– Да, господин Уилсон. Русский при задержании не пострадал, так, царапины. Он уже на базе. Думаю, теперь можно проводить пресс-конференцию и показать миру, что Советский Союз вступил с нами в прямую конфронтацию. Их летчики принимают участие в боевых вылетах.

Улыбчивый Уилсон кивнул, но это означало отнюдь не знак согласия.

– Журналистов мы туда пошлем, пусть готовят соответствующий материал, он никогда не помешает, но как дальше использовать Бабичева – это будут решать не военные, а политики.

Чейни все же продолжил гнуть свое:

– Операция была хорошо продумана и отлично исполнена. Если политики замолчат факт захвата русского, то выходит, мы старались впустую.

Уилсон снял очки, сощурил глаза, и лицо его теперь выражало ироничность:

– Скажите, генерал, какова была конечная цель этой операции?

– Доказать миру, что русские нарушили конвенцию и развязали боевые действия.

– А это в самом деле так?

Генерал, не раздумывая, по-военному убежденно ответил:

– «МиГ» летел навстречу нашим истребителям, вступил в воздушный бой, был подбит, пилотом оказался советский офицер. Все данные о нем собраны нашей разведкой.

– Это понятно. Это правдоподобно. Но вы помните, что написано в вестибюле нашего здания? На стене, большими буквами?

Чейни удивленно посмотрел на собеседника, чуть дернул плечами:

– Что-то из Библии...

– Правильно. Изречение из Евангелия от Иоанна: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Так вот, генерал, сбитый самолет и захваченный летчик – правда, факты, с которыми не поспоришь, но это – не истина в последней инстанции, так? Русские не начинали войну и не хотят ее начинать. Это знаем мы, это знают они. Обвинить их в этом – последнее дело. Как грязью облить, понимаете? Это не сделает нас свободными, возвращаясь к Библии, но мы просто вынуждены будем пойти на это, если они не захотят заплатить за Бабичева ту цену, которую мы назначим.

Чейни некоторое время переваривал услышанную информацию, потом даже не спросил, а просто обронил:

– Об объектах торга нам, естественно, знать не полагается...

Уилсон ответил мягко:

– Есть очень серьезные вопросы, которые летчик поможет нам решить. Думаю, поможет: кто же захочет быть в грязи... Потому сейчас для вас главное – чтоб он был в форме и под надежной охраной. Еда, питье, если нужно, лекарства.

– Тут проблем не будет, – сказал Чейни. – Наверное, надо сделать так, чтоб русские узнали, что летчик у нас?

Уилсон ответил не сразу. Протер стекла очков, но надевать не стал, упершись подбородком в их золотую дужку:

– Мне почему-то кажется, они уже в курсе.

Вьетнам. База «Зет 421:52»

Подполковник Чандлер только что закончил совещание, офицеры стали дружно выходить из бамбуковой хижины, где расположен штаб группировки. Когда мимо него прошел уже было лейтенант Ален Строк, Чандлер негромко попросил его задержаться. Эту просьбу мало кто услышал. Во всяком случае, никто не обратил внимания на то, что командир спецотряда морской пехоты не вышел вместе со всеми.

Чандлер разговор начал не сразу. Он отодвинул штору окна, некоторое время смотрел сквозь стекло на сторожевую вышку с часовым-вьетнамцем, на группу офицеров, только что вышедших отсюда, на механиков, копающихся в моторе машины. Рядом с ними стоит переводчик, мужчина лет сорока, с палочкой. Еще два вьетнамца в военной форме несут корзины с фруктами. Чуть в отдалении от всех стоит Пол Кросби, летчик, чью машину на этой неделе подбили вьетконговцы, ждет попутный борт, чтоб улететь к своим, в Такли.

Что ж, порядок и чистота на базе. Полный порядок и образцовая чистота. Никаких проверок и инспектирований можно не бояться.

На счету у Чандлера успешные операции, небоевых потерь нет, в Вашингтоне им довольны. И последняя новость из числа приятных: за захват русского летчика всех участников операции ожидают награды.

Одним из главных действующих лиц этой операции является лейтенант Строк. Профессионал, каких редко встретишь. И еще у него огромный опыт: он ведь и в Корее побывал. Но что-то не заладилось с карьерой, какие-то неполадки на семейном фронте...

Впрочем, это сейчас ни к чему.

Подполковник повернулся к Алелу:

– Еще раз спасибо за русского, лейтенант.

– Это было плевое дело. Я боялся лишь одного: чтоб он не разбился вместе со своим самолетом. А когда увидел парашют...

– Да, русский жив и здоров. Хотелось бы, чтоб и в дальнейшем ничего плохого с ним не произошло.

Строк понял, что разговор о летчике зашел неспроста, потому сразу спросил:

– Вы думаете, с ним что-то может произойти?

Чандлер задернул штору, подошел к висевшей на стене карте, на ходу говоря:

– Так думают в Вашингтоне. Там не исключают, что чарли по просьбе Москвы попытаются отбить русского.

Ален только улыбнулся и покрутил головой. Чандлер понял его:

– Понимаю, это невозможно, но на днях сюда приезжает сам генерал Чейни. Нашего пленника, видно, хотят встроить в какую-то большую игру. Так вот, он распорядился, чтоб охрану Бабичева усилили и приняли все меры для предотвращения возможных диверсий со стороны вьетконговцев. И как выполняются его распоряжения, он обязательно проверит, я его хорошо знаю.

Лейтенант Строк согласился:

– Это верно. Я тоже его знаю.

– Посему, – Чандлер без указки, пальцем показал на карте, – вылетайте немедленно, у нас незакрытым остался вот этот участок.

– Там недалеко стоят русские ракетчики.

– Да, дивизион Татарцева. Но к ним не соваться. Проведите лишь берег реки с нашей стороны.

Первая потеря

Американцы здесь редко показывались, и Кан решил, что их можно не бояться. Это был не шестьдесят восьмой год, когда янки еще отваживались разгуливать по джунглям. Сейчас они чаще всего охраняли самих себя, свои базы.

Кан не был профессиональным военным. По партийному зову взял он в руки оружие.

Восемь его бойцов в черных рубашках, с автоматами, расположились на поляне, отделенной от реки лишь редким кустарником. Автоматы стоят пирамидой, бойцы едят. Они слишком безмятежны. Выставлены два часовых. Один прислонился спиной к дереву, вырезает перочинным ножом фигурку из ветки. Второй залюбовался полетом бабочки. Он юн, еще по-детски улыбается.

Среди деревьев как тени бесшумно движутся спецназовцы Алена. Он сам на правом фланге, там, где вырезает фигурку часового. Вытаскивает свой тесак. Жестом показывает ближайшему подчиненному обходить слева.

Вьетконговцы закончили трапезу. Один из них говорит:

– Товарищ Кан, контрольное время, а тех, кого мы ожидаем, нет.

Командир отряда смотрит на часы:

– Еще две минуты. Они обычно точны. – Потом он переводит взгляд на реку. Там плывет бамбуковый плотик. Он пуст и плывет точно с такой же скоростью, с какой движется вода. Такие плотики нередко делают мальчишки в деревнях, чтоб плавать по заводям. Кан улыбается, встает с земли. – Они очень точны, – повторяет он.

И тут Ален выходит из укрытия, намеренно делает так, чтоб часовый увидел и повернулся к нему. Часовой видит Алена, у него расширяются глаза, он делает попытку сорвать с плеча автомат, но Ален уже бросает нож в часового. У него фирменные броски – лезвие входит в горло вьетнамцу.

Так же спокойно, уверенно действуют и другие спецназовцы. Летит граната в стоящие пирамидой автоматы, они разлетаются огненным столбом. Юный часовый не успевает выстрелить – пули входят в него, он дергается, падает лицом в цветы, где летала бабочка. Американцы расположены в одну цепь, хладнокровно расстреливают вьетконговцев. Те прижаты к воде, лишены оружия. Кан делает попытку поднять с земли отлетевший после взрыва автомат, но падает рядом с ним.

Еще звучат выстрелы, а Ален уже спокойно идет за своим ножом, выдергивает его из трупа, пробует пальцем острие. Он смотрит, как из-за кустов, из-за стволов деревьев выходят с винтовками на изготовку его бойцы. Им уже не по кому стрелять. Вьетнамцы лежат убитые. Ален наклоняется, поднимает нож и фигурку, которую вырезал убитый им часовый. Нож – перочинный, Ален презрительно отшвыривает его в реку. При этом видит плотик, качающийся метрах в десяти. Но плотик не привлек его внимания. Он рассматривает деревянную фигурку. Это женское лицо. Немного подумав, кладет ее в карман. Опять смотрит вокруг. Река, плот, берег, лес, трупы. Его бойцы, винтовки на изготовку, просматривают все стороны. Ничто не изменяется в его лице. Говорит без всяких эмоций, привычно, показывая пальцем на двоих бойцов, которые стоят ближе к нему:

– Трупы убрать. Догоните.

Бабочки вновь порхают над цветами.

Отряд Алена строем, затылок в затылок, быстро уходит. Он – чуть в стороне, как и положено командиру. Двое оставшихся бойцов провожают ушедших взглядами, один достает сигарету, закуривает, другой ногой начинает подкатывать юного часового к обрывчику, сталкивает труп в быстрое течение.

Курящий, прищурясь, смотрит, как чуть зашевелился Кан, как рука его медленно тянется к лежащему недалеко автомату. Спецназовец, не переставая курить, вытаскивает нож, бросает его во вьетнамца. Нож втыкается в дерево рядом с головой Кана.

Второй боец смотрит на плотик, берет в руки винтовку – он что-то заподозрил. Но поворачивается на звук брошенного ножа. Видит, что Кан по-прежнему тянется к автомату, от бедра стреляет. Пули входят в Кана, переворачивают тело.

Тотчас переворачивается на воде плотик, пятеро бойцов с автоматами ведут плотный огонь по американцам. Один из американцев все же успевает выстрелить, прежде чем упасть. Сдавленно вскрикнул кто-то из тех, кто был под прикрытием плота.

Ален с бойцами, заслышав перестрелку, поворачиваются назад, бегут вновь к реке. Здесь никого нет, кроме его спецназовцев. Один убит, второй тоже не жилец, но еще старается что-то сказать. Ален склоняется над ним.

– Плот, плот... – вышептывает тот последние свои слова.

Лейтенант непонимающе смотрит на него, потом переводит взгляд на реку. Плот в двух шагах от берега. Ален срывает с плеча автомат, по-пластунски ползет к берегу, но видит, что там, где плот, мелко. Заходит в воду, переворачивает плот, видит, что снизу к нему закреплены дыхательные трубки, какие есть в масках для ныряния. Только надеты они на трубочки из бамбука, вертикально закрепленные в плоту. Есть также миниатюрный перископ. Ален вырывает его из плотика. Смотрит глазом в окуляр. Видит панораму реки, джунглей.

Экспедиция энтомологов

Их осталось четверо. Семин – его уже можно назвать по фамилии – Семин погиб. Где-то нелепо, от пули, срикошетившей от воды. Где-то – от своего же безрассудства. Не выдержал человек, откинул плотик, стал стрелять. Не стоило так поступать. Мертвым уже не помочь, а этих двоих морпехов можно было бы положить бесшумно. А в идеале вообще не ввязываться в бой. Не затем группа сюда послана.

Теперь надо многое менять. Нет Семина, повреждена рация, нет товарища Кана, на посильную помощь которого была надежда. Но задача остается. И ее надо решать.

Вдоль берега по грудь в воде идут четверо. Впереди – Хук, за ним – Пятый, следом – Физик и Циркач. Сейчас их путь – к дивизиону Татарцева.

Кусты нависают над водой. На ветках висит змея, смотрит на приближающихся людей, готовясь к броску. Но Хук легко, как само собой разумеющееся, взмахивает ножом, и змея двумя половинами падает в воду.

Далеко над джунглями со стороны противоположного берега показывается вертолет. Бойцы тотчас скрываются под водой.

А в дивизионе все идет своим ходом.

Пирожников сидит в кабине операторов-вьетнамцев, за их спинами. Здесь очень жарко. Один вентилятор стоит на полу, дует под ноги, другой – сбоку. За тремя локационными экранами сидят три вьетнамца и три наших бойца. Вьетнамцы в форме, наши в трусах и футболках. Пирожников говорит по-вьетнамски одному из бойцов-северян:

– Соображаешь нормально, только медленно. Не напрягайся так, раскрепостись.

– Коросо, – говорит вьетнамец по-русски.

– Ой, чувствую, у меня тоже акцент...

В вагончик входит Татарцев, Пирожников тотчас принимает стойку «смирно». Командир дивизиона благодушно машет рукой:

– Садись. Чем сегодня занимаемся?

Пирожников еще сильнее тянется в струнку:

– Тема занятий – еженедельные регламентные работы, товарищ майор.

Татарцев качает головой:

– Опять выпендриваешься. Сказал же тебе, садись, продолжай товарищей обучать. Или вконец тут спарился?

– Да нет, сегодня еще терпимо.

– Как они, уже азы понимают?

– Коросо.

Татарцев вздохнул, сурово посмотрел на лейтенанта, но потом взял и махнул рукой:

– Вот окончил бы ты не институт свой, а наше училище... Ничего, послужишь – поумнееешь. Пойди дохни свежего воздуха, а я с ними пока посижу.

Пирожников выходит из кабины. Подходит к капитану Петрову, который опять сидит в тенечке, берет у того бинокль, наводит его туда, где расположена артиллерийская вьетнамская батарея. Там бойцы – около 30 человек – все женского полу. Возле артиллерийской пушки на ящике из-под снарядов – вьетнамки малы ростом, потому при стрельбе становятся на ящики – стоит девушка, объясняет стоящим рядом, как надо наводить на цель.

Пять-шесть артиллеристок с корзиной выходят к реке, идут по берегу, то и дело наклоняясь, подбирая из воды моллюсков.

Пирожников потирает руки, отдает бинокль капитану, осторожно косясь на кабину, где остался командир дивизиона:

– Саня, я на пять минут, честное слово. Ну, на десять, от силы.

Петров ухмыляется:

– А успеешь?

– То-ва-а-рищ капитан! Вы думаете обо мне черт знает что! А у меня ведь очень благородные намерения: я хочу только поприветствовать братьев... это... сестер по оружию и выразить свое искреннее восхищение их высокому боевому духу.

Петров скривился:

– Эти слова ты для Татарцева побереги. Ему должно понравиться. Только и у него терпение может лопнуть. Ты балабол, Женька...

Но тот уже не слышит товарища, спешит к реке, заходит в воду, подбирает моллюски и бредет навстречу уже без бинокля видным вьетнамкам. Капитан все же смотрит в бинокль, улыбается. Вот они поравнялись, лейтенант высыпает в корзину моллюски, говорит им что-то, все поворачиваются, идут назад. Лейтенант с одной из вьетнамок заметно отстают, выходят на берег, теряются в зарослях.

Петров опускает бинокль и говорит, как бы передразнивая командира:

– Прости-прощай!

Что там происходит дальше с лейтенантом Пирожниковым, ему неизвестно, остается только строить догадки.

А происходит вот что.

Вьетнамки с корзиной с устрицами и Пирожников проходят мимо островка камыша, заворачивают вслед за руслом реки. Тотчас из-под воды в этом камыше показываются головы бойцов группы Пятого. Командир показывает рукой на залив, куда надо держать путь.

Бойцы выходят из воды как привидения, бесшумно.

Вьетнамки проходят, исчезают за деревьями.

Пирожников, сидя на берегу, в траве, говорит девушке по-вьетнамски, то и дело вставляя русские слова, не зная, чем их заменить.

– Я давно за вами наблюдаю, и просто башка... это... голова кругом идет. Вы женщина неземной красоты! Вы луна, звезда, э... как же у вас еще говорят в таких случаях...

Вьетнамка смеется.

Пирожников продолжает в том же духе:

– Нет, я не шучу! Наши офицеры с такими заявлениями не шутят: если я когда-нибудь решу жениться, то обязательно разыщу тебя и поведу под венец!

Он пробует обнять ее, но вьетнамка отстраняет его руку и совершенно неожиданно говорит на чистом русском, только чуть напевно:

– Мне нельзя еще замуж.

Пирожников обалдело смотрит на нее:

– Ну не хре... Ничего себе! Так ты по-нашему шпрехаешь?

– Конечно, – говорит девушка. – Я политкомиссар отряда, я была в вашей великой стране – Льеон Соо. Немного училась там.

– Эх, не знал, честное слово. Я бы тебя еще там разыскал! Там бы все проще было, там Татарцева нет, и никакого распорядка дня... Слушай, а почему тебе замуж еще нельзя?

– У нас есть такая песня: пока девушка не научится правильно рыть окопы, ей нельзя выходить замуж.

Пирожников хмыкает:

– Глубокий подтекст. Окопы... Это в смысле... – Он чешет затылок. – В каком это смысле?

– В самом прямом.

– А ну так тогда чего ж... Это я тебя научу. Сначала надо выбрать место, чтоб мягко, значит, было...

Лейтенант привстает, чтоб поискать это самое место, и тут нос к носу сталкивается с бойцами группы Платова. Принимает боксерскую стойку, бьет – Циркач легко уходит от удара, даже не поднимая рук. Пирожников хочет достать ногой Физика, но тот подбивает ногу, и Пирожников падает на спину. Тут же схватывается, бросается с кулаками на Хука. Хук бьет его в челюсть. Все это время Платов не обращает внимания на бойцов и Пирожникова, жует травинку, опускается рядом с вьетнамкой, которая растеряна, не знает, что ей делать. Он успокаивает ее, говорит по-вьетнамски:

– Сиди, сиди, милая. Все хорошо.

Та поджимает ноги, смотрит то на дерущихся, то на Платова. Страх и любопытство в ее глазах.

Пирожников очередной раз падает от удара. Он группируется, чтоб опять вскочить на ноги, но Циркач протягивает ему руку:

– Может, хватит? Вставай и успокойся.

Пирожников хлопает глазами:

– Так вы свои? Какого же тогда хре... Какого черта... – И упавшим голосом строит догадку: – Вы к нам с проверкой, наверное?

Платов тоже, в свою очередь, задает вопрос:

– Ты из хозяйства Татарцева?

Теперь у Пирожникова нет сомнений: это проверяющие застукали его за пределами дивизиона. Сейчас на майора насядут, тот обязательно расскажет о других похождениях лейтенанта...

– Так точно, – упавшим голосом отвечает он человеку в узорчатом камуфляже, в каких ходят американские морпехи, и поворачивается к вьетнамке: – Тебя как зовут?

– Ли Ен.

– Ли Ен. Лена, значит, по-нашему. Все, Леночка, теперь и я на тебе не женюсь. У нас тоже песня одна есть, мне ее сейчас командир дивизиона пропоет...

Через четверть часа Платов уже сидел за столиком напротив Татарцева и со скрытой усмешкой наблюдал, как тот, донельзя удивленный, листает бумаги.

– Нет, ну это вообще кино! Экспедиция, видишь ли. Бабочек изучать прилетели. Э... Этно...

– Энтомологи, – подсказывает ему Платов.

– Так я же и говорю. У вас что, в академиях, не знают, что тут война идет?

– Потому мы и здесь, – сказал Платов. – Изучаем воздействие пороховой гари на цвет хитинового покроа чешуйчатокрылых.

Командир дивизиона засмеялся, но как-то неуверенно: этих ученых трудно иногда понять – может, и не шутят. Тем более Москва ведь подтвердила: и вправду из столицы люди приехали.

– Бабочки – ладно, но вот даже наше ведомство шифрограмму прислало: содействовать, мол, человека выделить... Вот это уже ни в какие ворота! Вам бабочки, а у меня все – согласно штатному расписанию, которое не дураки составляли. Нет лишних людей. Поняли?

Платов только пожал плечами:

– Мне-то что понимать. Вы своему начальству так и ответьте: приказ не выполняю, так как считаю его дурацким.

– Ишь ты, как складно говоришь. Небось срочную писарем при штабе служил?

– Не служил я срочную.

Татарцев этому вроде даже как обрадовался:

– Ну, откуда ж тогда вам ситуацию нашу понять! А я, кстати, Москве так и отвечу: науку уважаю, на бабочек смотреть люблю, но помочь человеком не могу. И потом, у нас

вот ведь что, – и майор протянул руку в ту сторону, с которой сейчас слышались автоматные очереди. – Скажите, кто за моего человека ответственность понесет, если, не дай бог, что...

Дверь вагончика открылась, на пороге появляется Физик.

– Разрешите, товарищ подполковник?

Татарцев ответил:

– Я пока еще майор, сынок.

Ответил и Платов:

– Разрешаю. Что у вас там?

Физик красноречиво смотрит на Татарцева, мол, не при посторонних докладывать надо. Татарцев обалдело смотрит на Платова, начинает застегивать пуговицы на рубашке. Платов говорит ему:

– Оставьте нас на минуту, пожалуйста, товарищ майор.

Тот немедленно схватывается:

– Есть, товарищ подполковник!

Выбегает, а Платов спрашивает у Физика:

– Ты чего это меня так в звании повысил?

– Чтоб щи наваристей дали и побольше мяса на второе.

– Кузнечики жареные тебе теперь на второе. Что с рацией?

– Ек, командир.

– Гиблое дело без рации.

– Я тут железок кое-каких разжился, буду ремонтировать по ходу дела. Жива надежда.

Когда выходим?

– К ночи.

Физик удовлетворенно кивнул:

– Значит, есть еще время. Я посижу с ней пока. Москве можно докладывать, что будет связь.

– Москве будем докладывать, что связи пока нет. Но задание выполнить готовы.

Физик кивнул, выскочил, и тотчас в вагончик вошел командир дивизиона. Платов встретил его вопросом:

– Значит, говорите, нет человека?

Татарцев остался стоять у двери:

– Как просите: спортивный, толковый, по-местному говорить умеет. Лейтенант Пирожников. Пригласить для знакомства?

– Пирожников, – повторил Платов. – Иняз окончил, кандидат в мастера спорта по плаванию, из-за девок едва из института не выгнали... Но у нас женщин нет, мы с бабочками дело имеем. Подойдет.

И опять пришла пора удивляться Татарцеву:

– А откуда вы... А, ну да, ну да.

При этом он открыл дверь и впустил внутрь бойца, который занес в корзинке бананы, ананасы, другие фрукты.

– Нет, – сказал Платов. – Спасибо. Побережем желудки.

Майор только теперь подошел, тоже сел за стол:

– Мне, признаться, эта экзотика тоже надоела. Сейчас бы черного хлеба да сала с горчицей. Нам на Новый год министр обороны, между прочим, черный хлеб в подарок прислал, да. Но обед я вам сейчас организую что надо! Наш, русский обед!

– Вы мне еще связь с Москвой организуйте, прямо сейчас.

– Есть, товарищ подполковник!

Время пошло

Сегодня утром Полковник уже встречался с Литвиновым. Как и было условлено, прямо с аэродрома, после проводов группы, он прибыл на Старую площадь. Разговор получился неконкретным. Сергей Сергеевич знал лишь, что американцы вышли на переговоры и они идут на таком высоком уровне, на котором даже он, член ЦК, не имеет права сказать свое слово. Однако задачу, поставленную перед Полковником, пока никто не отменял, и потому группа во Вьетнаме должна действовать согласно разработанным планам.

Это было главное для Полковника. Чем там закончатся переговоры и политические игры – дело третье, не его компетенции. Дадут команду отбой – что ж, будет отбой, это тоже предусмотрено, и группа вернется. На том расстались, а через пару часов Литвинов позвонил и сказал: переговоры заканчиваются ничем, так что вам – зеленый свет.

Еще через два часа Полковнику пришла новая шифрограмма:

«Группа Кана погибла, связи Пятым не имею. Макс».

Чуть позже поступила весточка и от самого Пятого: погиб Семин, повреждена рация, группа приступила к выполнению задания.

С такими новостями Полковник приехал к Литвинову.

Литвинов нормальный мужик, однако... Не то чтоб трусоват, но страх в нем живет, это видно. Ему надо докладывать наверх, а ничего положительного доложить пока и нечего. Он соединяет пальцы замком, трещит суставами, выслушав Полковника, долго молчит, потом говорит расстроено:

– Ну как же вы могли потерять бойца...

– Это война, – коротко отвечает Полковник.

– Это не наша война! Нас там нет и быть не может! – Теперь он говорит сурово, отрывисто. – Вы это знаете не хуже меня! Мало того что летчика захватили, так теперь...

Звонит телефон, Литвинов берет трубку, кричит раздраженно:

– Лариса Ивановна, я прошу ни с кем не соединять! – Но тут голос его меняется, он зачем-то поправляет галстук. – Простите, мы тут как раз... Но это все же война... Понимаю... Понимаю... Да, он у меня... Самые лучшие офицеры. Буду докладывать.

Литвинов осторожно кладет трубку, поясняет:

– Ваше начальство с моим начальством уже обменялось информацией. А с нас требуют результаты.

Он закуривает, протягивает пачку сигарет Полковнику, но тот качает головой:

– Бросил три года назад. Чаю, если можно. У вас заварка хорошая.

Литвинов нажимает кнопку, связывается с секретаршей:

– Лариса Ивановна, чай и кофе. – Потом уже обращается к Полковнику: – Давайте говорить так, как оно есть. Операция на грани срыва, да? И человек погиб, и рации ведь нет?

– В гибели бойца моя вина. Он еще не был готов... Замена ему есть. Мы этого парня держали на примете, не случайно он во Вьетнам и полетел. Рация... Там у меня Кулибин. Молюсь на него.

– Давай помолимся, если ничего больше не остается. А вот про вину свою молчи, у нас ведь только и ждут, чтоб виноватого найти. О другом речь. Американцы опять вышли на связь. Шум, говорят, не поднимем, если только...

Он замолчал, потому что вошла секретарша, поставила в высоком подстаканнике чай, чашку с черным кофе, вазочку с медом, сушки. Спросила:

– Ни с кем не соединять?

– Ни с кем. Ну если только... – и Литвинов показал пальцем на потолок.

– Понятно.

Она вышла, и он продолжил прерванный разговор:

– В общем, янки такие условия ставят, что никак на них согласиться нельзя. Отвели на обдумывание ситуации жесткое время, и в него нам с вами надо вложиться.

– И что это за время?

– Сорок восемь часов. – Литвинов взглянул на часы. – Сорок семь уже.

– Без минут?

Литвинов не сразу понял собеседника, потом пожал плечами:

– Ну, если угодно, то и еще одиннадцать минут.

– Так и запишем: сорок семь часов одиннадцать минут.

Кино, да и только

Уже который день дивизионный киномеханик крутил одну и ту же ленту – «За двумя зайцами». Экран – простыня на двух бамбуковых палках. Зал – пригорок вьетнамской деревни, на котором уселись местные жители, девушки артбатарей и наши бойцы-советники.

Молодая поросль джунглей – граница зрительного зала. Впритык к кустарникам сидит лейтенант Пирожников. На экран он смотрит вполглаза, все больше – по сторонам да на соседку, с которой сегодня познакомился при необычных обстоятельствах, – Ли Ен.

Чуть вздрогнули листья баньяна, широкие, длинноватые, как у фикуса, но Пирожников не заметил этого. Он в это время разговаривал с той, которую назвал Леной. Она, как и все ее соплеменники, хохотала, глядя на проделки Голохвастова.

– Ты – понятно, а остальные ваши-то чего ржут? Ведь ни бум-бум же по-русски.

– Нам хорошо, когда вам хорошо, – отвечает девушка.

– Да? – Пирожников вновь озирается. – А вот знаешь, когда мне хорошо? Я этот фильм все равно уже пять раз видел, так что не пойти ли нам, подружка...

Но тут он замечает на себе взгляд командира дивизиона, стонет, как от зубной боли, и жестом показывает Татарцеву: все, мол, нормально.

Опять вздрагивает деревце. Именно вздрагивает – незаметно для нетренированного глаза.

На простыне Голохвастов объясняется в любви, и зрители заходятся в хохоте. Смеются заразительно, раскачиваясь, закрыв глаза.

Ли Ен потому не замечает, как чьи-то руки подхватывают Пирожникова, «сдергивают» его за деревья... Лишь отсмеявшись, она смотрит на место, где сидел лейтенант. В глазах ее удивление...

В ночном ресторане

Ресторан был плавучим – расположен прямо на реке. Столики стояли и под легким навесом, на свежем воздухе, и в закрытом двухэтажном помещении, на первом этаже. Обслуживали столики, за которыми сидели в основном американские военные, молоденькие вьетнамки. За достойное поведение их, а также за порядок в заведении отвечал старый вьетнамец Хо Дыг, хозяин ресторана, частенько сам стоящий за барной стойкой.

Как, к примеру, сейчас.

Посетителей пока мало, вечер только начинается, и единственный здесь сейчас, кто больше нормы принял на грудь, это лейтенант Пол Кросби, летчик, чей самолет был сбит в воздушном бою недалеко от этой базы. Пола подобрали и доставили сюда спецназовцы Чандлера. Он, как и большинство летчиков, невысок, щупл, сидит недалеко от сцены, где пока только разогреваются местные стриптизерши, красавицы из соседних деревень, и нет в его глазах ни любопытства, ни радости при виде молоденьких девичьих тел.

К нему подходит официантка, ставит очередной бокал, закуску, хочет уже уходить, но лейтенант удерживает ее за руку:

– Присядь!

И показывает на стул рядом.

Девушка испуганно трясет головой:

– Ноу, нам нельзя. – И при этом косится на барную стойку.

Пол понимает ее, поворачивается к хозяину заведения. Тот замечает грозный взгляд американца, делано улыбается, кланяется. Его обязанность – чтоб официантки не были навязчивыми, чтоб сами не приставали к офицерам, а все остальное разрешено.

– Садись, – повторяет Пол девушке. – И если этот старый хрыч Хо тебе хоть слово на это скажет...

В глубине зала сидит еще группа военных, несколько женщин и переводчик военной базы. Он там, вероятно, для того, чтоб обеспечить диалог между офицерами и их сегодняшними подружками. А может, и для того, чтоб послушать болтовню этих янки – виски ведь и вправду развязывает языки...

Вот переводчик встал, направился к Хо Дыгу, купил у того пачку сигарет и пошел прихрамывая, опираясь на трость, к выходу. Видно, он свою миссию тут выполнил и может теперь удалиться.

Исчезает переводчик из пределов видимости всех тех, кто находится в зоне ресторана, пересекает дорогу, заходит в джунгли, и оттуда, поюжному из сочной тьмы, звенит морзянка:

«Летчик находится на военной базе. Связи с Пятым по-прежнему не имею. Макс».

В ресторане эта морзянка, конечно же, не слышна. Здесь прибавилось шума и веселья, на второй этаж, в номера, уже поднимаются пары, и Пол Кросби, глядя одной такой вслед, говорит официантке:

– Хочешь пойти со мной туда?

Та пугливо смотрит на него, молчит.

Пол продолжает:

– Я год воюю и пока спрашиваю. Но еще через полгода я перестану спрашивать. Я потащу тебя туда и буду делать все, что захочу. Потому что это – война, понимаешь меня? И надо хоть что-то получить от жизни, пока жив.

К ресторану подъезжает джип, из него выходят трое, по деревянному настилу идут в плавучий ресторан. Приветствуют взмахом руки Алена, стоящего в одиночестве у воды.

Ален задумчив. Перед ним на перилах – деревянная фигурка женщины, вырезанная вьетнамцем, которого он убил.

А Пол продолжает изливать душу официантке – ему не с кем больше говорить.

– Мой друг сгорел, а я вот выжил. «7-14» нас сбил. На диком вираже зашел от солнца, на таком крутом и с такой скоростью... Такого не могло быть, понимаешь? От таких нагрузок у ваших хилых братьев косточки должны были поломаться! А этот – раз! И все. И все! На базе надо мной смеются из-за того, что меня сбил вьетнамец. Будто вьетнамцы их не бьют на земле.

Официантка, может быть, все, что говорит лейтенант, понимает, но молчит. Да ее и не просят высказываться. Полу просто надо выговориться.

На сцене начинается представление. Обнажаются девицы, работающие у шеста.

– А я с девочками только целовался, и то давно, представляешь? Тогда мне было шестнадцать, а сейчас уже двадцать четыре. Я учился с ней. Она стала известной журналисткой, выступает на телевидении, вряд ли меня даже помнит... Господи, ты же ничего не понимаешь! Я бы тоже мог сгореть и тогда даже не вспоминать о своей первой любви. Просто чудо, что выжил, сижу, жду борт к себе, в Такли... Принеси мне еще немного... Бокал вина. Я сегодня пью только вино. Чтоб не нажраться.

Тройка приехавших офицеров заходит в зал, с порога выискивает свободный столик. Один из них видит лейтенанта Кросби, громко окликает его:

– Пол, тебя ведь завалил «7-14»?

Летчик ждет, что его опять начнут подкалывать.

– А какое это имеет значение?

– Его сбили, разве ты еще не в курсе? Летчика привезли к нам на базу. Русский – можешь себе представить?

Пол тотчас поднимается из-за стола, так что чуть не упал пустой уже бокал, но официантка, собравшаяся было уходить за вином, успевает подхватить его. Летчик идет к выходу.

Знакомство. Циркач

Ли Ен не видела, как Пирожникова похищали, а сам лейтенант так и не понял, как он оказался на глухой полянке в окружении группы Пятого.

– Ну вы даете! – сказал он обескураженно. – Я даже пикнуть не успел.

– А у нас пикать не рекомендуется, – хмыкнул Хук.

Платов же пояснил:

– Ты прости: можно было, конечно, и без всех этих фокусов, но ребята два дня не тренировались, вот я и разрешил им размяться.

– А дальше что? – спросил Пирожников.

– Дальше предлагаем совершить двухдневную прогулку по этой чудной стране. Есть, Женья, одна задача, которую бы ты помог нам решить.

– Задачи – они разные бывают, кроссворды, шарады...

Платов поднял руку:

– Стоп! Юмористов у нас и так хватает. Задача сложная, рискованная. Тебя выбрали, потому что хорошо плаваешь, вынослив, знаешь язык. Все эти качества могут пригодиться. Если нет желания и есть возражения...

– Какие возражения могут быть?! Надоело мне в вагончиках париться.

– Вот и ладно, – кивнул Платов. – Накоротке знакомимся – и в путь.

Пирожников стал поочередно протягивать руку бойцам:

– Женья, Женья, Евгений... – Видя, что они молчат, повернулся к Платову: – Для выполнения операции глухонемые нужны, да?

Платов сам поочередно представил каждого:

– Циркач, Физик, Хук. Я – Пятый.

Пирожников потрогал свою челюсть, вспомнив, какой удар получил сегодня на берегу реки, когда охмурял вьетнамку:

– Хук – это я понимаю.

– И остальное поймешь, – кивнул командир. – Переодевайся. Своего ничего ни на себе, ни с собой не оставлять, ясно?

И протянул ему пакет. Лейтенант вытащил оттуда футболку, брюки, трусы, часы – все американского армейского образца. Форма села на него точь-в-точь. Пирожникову это понравилось, особенно после китайских хлопчатобумажных штанов, разлезающихся по швам.

– И как это вы с размерчиком угадали! Вот только брак маленький, заштопано тут, видите? – и он ткнул пальцем в грудь.

Никто вновь не проронил ни слова. Но кое-что пояснил ему Платов:

– Инструктаж будешь получать по ходу дела. Твое место в середине. Тут другой человек должен был находиться. Его сегодня не стало.

– А, так эта одежда, значит...

Платов не стал его дослушивать:

– Циркач, вперед, темп два шага в секунду.

И занял место рядом с Пирожниковым. Неутомимый Женька не удержался от очередного вопроса:

– А почему Циркач, а?

– Сам поймешь, – ответил командир. – Постарайся попасть в ритм, чтоб не сдох через пару часов.

– Не сдохну, я марафон бегал. Циркач... Непонятная кликуха.

«Что ж тут непонятного, – подумал Платов. – Она с первого дня к нему прикрепилась». С того занятия, когда Платов увидел его.

А произошло это на учебном полигоне, где занималось Первое главное управление Комитета госбезопасности. Полковник нашел Платова возле тира:

«Слушай, тебе ведь человек нужен, хочешь, покажу интересного паренька?»

«Если по протекции, сыночек чей-то, то лучше не надо».

«По протекции, – не стал скрывать Полковник. – Сыночек генерала Савелова».

«Да пусть хоть маршала, товарищ полковник! Мне лишний геморрой не нужен. Чтоб через день звонили и судьбой чада интересовались...»

«Савелов звонить не будет. Он умер полгода назад. Это первое. Второе: не забывай, что ты тоже по протекции к нам попал. И третье – этот парень ножи метает лучше тебя. Ну, во всяком случае не хуже. Пойдем, еще один его талант увидишь».

И они пошли к месту, где занимались «топляки». Через глубокий ров с водой, застоянной, вонючей, было переброшено узкое скользкое бревно, а на полметра выше его натянут страховочный металлический трос. Бойцам надо было перейти через ров по этому бревну, оценка снижалась, если они хватались за трос. Но некоторым и он не помогал – такие стояли мокрые, в тине, и шли на вторую попытку.

«Мы как раз вовремя подошли, – сказал Полковник. – Смотри».

Сын генерала ничем не отличался от других бойцов – ни ростом, ни сложением. Вот он подошел к месту старта, но вместо того, чтоб ступить на бревно, шагнул на трос. Почти не балансируя руками, как делают обычно канатоходцы, спокойно, буднично зашагал по толстой струне.

«Циркач, – дал этому оценку Платов. – Ему в шапито надо, а не к нам».

Осталось пройти до берега метра два, когда Савелов сорвался. Ушел с головой под воду, вынырнул, схватился за бревно, подтянулся, вылез сначала на него, а потом опять занял место на тросе. Прошел до конца, спрыгнул на землю и только теперь стал снимать с лица водоросли.

«К этому могу добавить, – сказал Полковник Платову, – что школу окончил с медалью, училище – с отличием. Но навязывать его тебе не буду. Рекомендую в другой отряд. Может, там сгодится».

«Хорошо он из дерьма этого вылез. И не побоялся опять на трос. Надо еще к нему присмотреться, товарищ Полковник...»

Циркач идет впереди группы. Два шага в секунду. Ни зги не видно, без всяких тропок.

Ничего еще не решено

Русские поддаются не сразу, потому окончательное решение по их летчику Бабичеву пока так и не принято. Но Уилсон более чем уверен: все закончится так, как он и предполагает.

По телефону он говорит кратко и по самой сути:

– Никаких наручников и клеток! Кормить так, как едят наши офицеры. Да, и вот еще что: держать за пределами базы, чтоб меньше чего видел и слышал. Может, отдавать придется.

Разговаривая по телефону, Уилсон рассматривает при этом разложенные на столе фотографии. На них – летчик Бабичев, с парашютом, на месте приземления, анфас, профиль, в комнате, где его содержат, во время допроса... А вот на снимках – фрагменты советского самолета, хорошо просматривается его номер...

Открывается дверь кабинета, входят Чейни и Лора Сайзлер, довольно известная, несмотря на молодость, журналистка, работающая по тематике министерства обороны. Уилсон частенько видел ее на телеэкранах, но вот лично знаком не был. Он тотчас убирает фотографии в ящик стола, рассматривая при этом гостью. Славная девушка, и грудь, и ножки, и голову гордо держит, значит, хорошо знает себе цену. Талантливые люди заслуживают уважения, но с ними порой так трудно работать...

Уилсон выходит из-за стола, чуть кланяется:

– Я рад, что у нас есть такие красивые журналистки!

И жестом приглашает вошедших сесть за стол.

Чейни вторит хозяину кабинета:

– Лора еще и высокий профессионал, господин Уилсон. Она неоднократно вела репортажи прямо с места боев. Летала на наших вертолетах, плавала на катерах, даже принимала участие в одной боевой операции.

– Вот это я не приветствую. – Уилсон сделал вид, что нахмурился. – Женщин надо беречь и держать подальше от выстрелов.

– Если б меня могли удерживать, я бы не стала журналисткой, – сказала Лора.

Чейни и тут добавил:

– Ее голос и лицо узнаваемы для всей нации.

Уилсон согласно кивнул:

– Это правильно. Но даже если и не для всей нации, то для одного человека уж точно. – Он посмотрел в блокнот, лежавший перед ним. – Вы ведь дружны с военным летчиком Полом Кросби, я не ошибаюсь?

Лора удивилась этому вопросу:

– С Полом? Он был моим одноклассником...

Уилсон раздвинул губы в улыбке:

– Если не сказать больше?

– Больше нечего говорить. Мы пару раз прогуливались по парку... Но с тех пор я его сто лет не видела. А почему вы о нем заговорили? С ним что-то произошло?

– Нет, просто к слову. Дело в том, что у вас появилась возможность встретиться со своим бывшим одноклассником. Не хотите вылететь во Вьетнам? На базу, где сегодня Кросби как раз находится. Там у нас успешно идут дела, там совершаются героические подвиги, и вообще, есть шанс поработать над сенсационным материалом. Я знаю ваш творческий потенциал и потому хотел бы это доверить вам. Так как?

У Лоры вздрогнули ноздри, как у хищницы, учуявшей дичь:

– Журналистам такие вопросы даже не задают. Я готова лететь хоть сейчас!

Он нарочито удивленно вскинул брови:

– А переодеться? В таком наряде ехать на войну... Право, не хочется, чтоб вы были в униформе, но...

Лора сочла возможным вставить:

– В униформе я выгляжу не хуже, поверьте.

День на исходе

Верхний свет выключен, горит лишь настольная лампа.

Полковник просматривает материалы папки, закрывает ее, кладет в сейф. Пожалуй, работу на сегодня пора завершать.

Зазвонил телефон. Это Литвинов.

– Что, новости по группе есть?

Полковник отвечает односложно:

– Готовятся к проведению завершающей стадии операции.

– Ну ты мне скажи, положи руку на сердце: шансы у нас есть? Хотя бы пятьдесят на пятьдесят?

Странные люди эти политики, думает Полковник. В тире стоишь против неподвижной мишени, ничто тебе не мешает, все только от тебя самого зависит, но все равно не знаешь, как пули лягут. А тут большая игра, много фигур и обстоятельств, тысячи километров, десятки вариантов, и – давай им проценты.

– Сергей Сергеевич, мы полетели туда, чтоб выполнить задачу. А вот в процентах я не силен, у меня по математике тройка была.

Литвинов все понимает, но он ведь человек несамостоятельный, давят на него, требуют, потому-то и звонит сейчас среди ночи, что кто-то ему спать не дает.

В трубке слышно, как Литвинов тяжело вздыхает:

– Я с совещания от начальства только что. Американцы насаждают. Опять напомнили, что, если мы не примем их условия, пресс-конференция с нашим летчиком будет девятнадцатого, в семнадцать часов по Москве.

– Если смотреть на часовые пояса, то для них это совсем не подходящее время.

– А они что, разве для себя это делают? Им надо, чтоб Европа слушала. Я тут навел справки о Бабичеве, парень очень хороший, коммунист, думаю, ничего плохого говорить не будет, но не в нем же дело. Его как куклу покажут, а говорить будут сами. И тут уж ничем им не помешаешь. Только на твоих ребят надежда. Накинулись, кстати, на совещании на меня: кто несет персональную ответственность за операцию.

– Я несу, – сказал Полковник.

– Ну, мне тоже, если что, несладко будет. Понадобится помощь, слышишь, любая помощь из того, что в моей компетенции, ты сразу на связь выходи. О, прости, по «кремлевке» звонят...

Связь прервалась.

Полковник включил телевизор. На одном канале шел концерт, на втором – фильм «Свадьба с приданым». Настрой был не тот, чтоб смотреть комедию. На третьем показывали новости. Диктор торжественным голосом читал: «...Эти сотрудники Центрального разведывательного управления США, проводившие шпионскую деятельность на территории Советского Союза, задержаны благодаря бдительности наших граждан и грамотным действиям сотрудников Комитета госбезопасности»...

Полковник снова переключил канал. Там шел футбол.

– Ну хоть что-то, – сказал он, усаживаясь поудобней.

Смотрел не больше минуты, но взгляд его при этом был отсутствующий. Вскочил со стула, шагнул к телевизору, переключил канал туда, где шла речь о шпионах. Но там уже показывали прогноз погоды.

– Эх, тюха-матюха! – ругнул себя Полковник.

Ничего интересного

Утро здесь не бывает прохладным. В джунглях вообще температура меняется редко. Хотя вроде и деревья вокруг, а кислорода не хватает.

Нет, Пирожников не устал, но привалу рад. Отдых, правда, небольшой: Платов отводит на это двадцать минут.

Все снимают рюкзаки, садятся. Пирожников тотчас начинает собирать валежник, укладывая его на полянке. Бойцы переглядываются, но ничего не говорят. Пирожников привык к этому: очень уж молчаливая команда. Ладно, рты не открывают, но помочь бы могли.

– И что это я один за всех пашу?

Хук спрашивает:

– А что это у нас будет?

– Как что? Костер разведем, за двадцать минут хотя бы чай вскипятим.

Физик смотрит на нарисованную им же радиосхему на клочке бумаги, делает на ней какие-то пометки, говорит как бы между прочим:

– Умная мысль. Мне краснодарский, пожалуйста. И покрепче.

Слышен звук пролетающего где-то вдалеке вертолета. Хук поднял в ту сторону глаза:

– И коллеги как раз подлетят, угостим. Если они пьют краснодарский.

Циркач поддержал шутку товарищей:

– А не пьют, так хоть у огонька посидят. Костер, думаю, они заметят.

Платов не вмешивается в разговор, сидит, облокотясь на рюкзак, смотрит на Физика. Физик понимает его взгляд, вздыхает:

– Ерунды не хватает, командир. Мне бы американский приемник, самый обычный, фирмы «Беккер», который тут на автомашинах ставят.

Пирожников хохотнул:

– Нет, с чаем-то все реальней.

Платов встал:

– Обед через полтора часа. А сейчас – подъем. Хук – в голову. Два шага в секунду.

Два летчика

Тир на американской военной базе «Зет» расположен в дальнем ее углу, за вертолетной площадкой. Здесь бетонные блоки выложены глухой высокой стеной, и мишени стоят перед ними. Бетон умный: пули не ricochetят от него.

Сейчас здесь занимается группа лейтенанта Алена Строка. Командир показывает упражнение: выстрел в стойке, кувырок и выстрел лежа, полуоборот и выстрел из положения лежа на спине, выстрел с колена... Движения его отточены, все пули летят точно в цель, но никто из подчиненных не восхищается действиями лейтенанта. Они просто привыкли к этому. Они знают, что иначе лейтенант никогда и не стреляет.

Теперь их очередь демонстрировать свое мастерство. Они вместе выходят на огневой рубеж и вместе же повторяют упражнение: выстрел в стойке, кувырок... Им учиться и учиться, стрелять и стрелять, чтоб приблизиться к результатам командира.

Два матово-серых «иrokeза» зашли на посадку. Из того вертолета, что сел на ближнюю к тиру площадку, выскакивают спецназовцы, выносят двое носилок. Одни полностью накрыты окровавленной простыней, на других лежит боец с перебинтованными ногами. Лейтенант Строк сделал несколько шагов к вертолету, крикнул:

– Кого потеряли, Рэй?

– Стива, Ален.

Бойцы группы Строка тоже смотрят на вертолеты, хотят к ним приблизиться, пообщаться с прилетевшими, но Ален зло командует, почти кричит:

– На исходные позиции! Упор лежа! Под счет! И раз, и два...

Они продолжают отжиматься, а их командир идет к мишеням для метания ножей – нарисованным на деревянных щитах мужским фигурам. Мелом на лбах этих фигур нарисованы советские звезды. Ален берет по одному лежащие на стойке ножи и швыряет их в дерево. Все семь лезвий втыкаются в грудь по прямой – от плеча до плеча. Теперь он вытаскивает свой нож – из ножен, висящих на поясе. Бросок, кажется, совсем без подготовки, и острый металл входит в горло врагу...

– Браво, Ален!

Лейтенант Строк недовольно оглядывается на голос. Это капитан Лестер оказался за спиной, а рядом с ним – летчик из подбитого самолета. Ему капитан и говорит:

– Вот, Пол, тот самый лейтенант, кто захватил русского пилота, сбившего тебя. Он у нас, правда, нелюдимый, ты вряд ли пожмешь ему руку...

– Простите, у меня занятия, – сказал Ален, развернулся и пошел к мишени – вытаскивать из нее нож.

А капитан Лестер взглянул на Пола, развел руки, – мол, видишь же сам, с ним не пообщаешься, – и сказал:

– Думаю, русский летчик проявит большую воспитанность. Ты ведь хотел его видеть?

– Если это возможно...

– Со мной возможно все. Пойдем. И по пути захватим переводчика.

Иван Бабичев содержался в отдельно стоявшей бамбуковой хижине. Охранял его не часовой вьетнамец, из того числа, что стояли на вышках, курсировали по наружному периметру базы, а грозный на вид морпех. Лестер поздоровался с ним за руку и жестом предложил Полу первым войти в хижину. Следом зашел переводчик с неизменной своей палочкой, и замкнул процессию сам капитан.

– Вы как два брата, – сказал он. – Что рост, что возраст, что прически. И одежда, главное, одинаковая.

Русский сидел за крохотным бамбуковым столиком на легком, единственном в хижине стуле. Пол стал вглядываться в него, а капитан опять заговорил:

– Вот такие вьетнамцы воюют с нами. Светлые и большеглазые. И с чисто русским именем Иван. Да и фамилия – Бабичев – не похожа на местную.

Бабичев тут же ответил по-английски:

– Я не воевал. Я летел не с боевым заданием. Я уже объяснял, что просто хотел спасти самолет. Во Вьетнам я прибыл как инструктор, это разрешено соответствующими договорами...

– Прекрасно! – воскликнул Лестер. – Во-первых, вы, оказывается, говорите на нашем языке...

– Я и не скрывал этого.

– А во-вторых, вы, значит, просто решили покататься, но зачем-то навесили под крылья ракеты.

– Ракет не было.

– Для журналистов мы эти ракеты уже нашли. И вообще, Бабичев, я не допрашивать вас пришел, а познакомить с лейтенантом Полом Кросби, которого «МиГ» с номером «7-14» сбил над джунглями в воздушном бою три дня назад.

Лестер взял стоящий на столике транзисторный приемник, включил его, покрутил колесико поиска волн.

– «Голос Америки». Трансляция из Манилы. Знаете, что тут будут передавать через пару дней? Что против нас во Вьетнаме воюют русские. И никто этому не возразит, потому что мы предъявим весьма веские доказательства. Вас предъявим. И когда вы в эфире попытаете сказать, что сели в самолет, чтобы просто полетать над джунглями, мир будет смеяться над вами и негодовать в адрес того государства, которое послало вас сюда.

Пол все это время стоял молча, не сводя глаз с русского. Капитану это не понравилось:

– Пол, идем пить кофе.

– Я хотел бы немного задержаться.

– Нельзя мстить пленным, Пол. Я тебя одного здесь не оставляю.

– Мстить? Я об этом даже и не думал. Просто я, как ни странно, рад, что меня сбил русский, а не северяне. Чувствовать, что ты проиграл в равной борьбе... Да, мы сейчас пойдем пить кофе, по потом я бы хотел прийти и поговорить с тобой, – сказал Кросби Бабичеву. И повернулся уже к капитану: – Надеюсь, это возможно?

– С одним условием: что ты придешь сюда до завтрашнего утра. Потом Бабичева увезут отсюда. Даже нашим морпехам охранять его не доверяют, ищут сейчас более надежное место и еще более надежную охрану. Скорее всего, поместят в камеру-одиночку, там, где плавучий ресторан. Попасть туда тебе будет проблемно. Хотя... Придумаем что-нибудь. Пойдем.

Уже повернувшись к выходу из хижины, капитан Лестер заметил стоявшего за его спиной вьетнамца-переводчика.

– А ты чего здесь? Ведь понял же, что Бабичев говорит по-английски, значит, в твоих услугах мы не нуждаемся, и надо было сразу сваливать.

Переводчик, ни слова не говоря, вышел.

Пол сказал:

– Мы же его сами сюда пригласили, стоило ли с ним сейчас так грубо?..

– Стоило. И сейчас, и до, и после. Люди каменного века. Я их терпеть не могу – и северян, и южан.

Они вышли наружу.

Переводчика уже не было видно.

Информация для размышления

Самолеты на посадку в Шереметьево шли значительно левее, чаще с этой территории «пионерского лагеря» их не было видно из-за высоких деревьев, и обнаруживали они себя только низким гулом. Вот опять пролетел, и Полковник по работе двигателей определяет даже его марку...

Он много раз летал сам и приземлялся в этом же аэропорту. Пытался сверху разглядеть затерянные в лесу строения «лагеря», и иногда это удавалось. Но те, кому очень надо, естественно, знают предназначение территории, обнесенной высоким забором, и в иллюминаторы не пялятся. Это для своих грибников и охотников она просто охраняемая запрещенка, вокруг которой днем и ночью тоже с лукошками ходят крепкие зоркие парни, не разрешают и приблизиться к забору. А в Лэнгли, Полковник знает это точно, есть подробная схема «лагеря», на которой здания вычерчены с точностью до сантиметра и помечено, что это объект КГБ.

Черт с ним, со зданием. Проблема сейчас в другом: чтоб за океаном не узнали о группе Пятого. Вернее, не узнали до той секунды, пока Пятый не выполнит возложенную на него миссию. Тяжко будет ее выполнить. Очень тяжело. Вот стоит рядом капитан с папкой, принес шифrogramму. Читать ее невесело.

«Летчик переведен объект Альфа-2. связи с пятым по-прежнему не имею. Макс».

Негоже думать о плохом. Но варианты надо иметь на всякий случай жизни.

Не отрывая глаз от шифровки, Полковник спрашивает:

– Я просил вас разжиться оперативными съемками наших чекистов – по задержаниям шпионов.

– Задание выполнено, товарищ полковник. Есть и оперативные закрытые, есть и те, что предназначены для открытого пользования, для прессы. Нам дали даже фрагменты допросов. Весь материал объемом в тридцать семь минут.

– А сокращенный вариант?

– Сокращенный вариант – в двенадцать.

Легко работать с такими ребятами. Понимают с полуслова, никаких лишних вопросов, никакой отсебятины.

Полковник смотрит на часы:

– Давайте тридцать семь минут.

– На какое время?

– Готовьте аппаратуру, я прямо сейчас спускаюсь.

В малом просмотровом зале, рассчитанном на пару десятков человек, он сидел один. Капитан был за стенкой с киномехаником и спросил в окошко:

– Включать?

– Да. И запишите весь текст, сделаете потом распечатку.

Пошли черно-белые кадры оперативной съемки: вечер, московский парк, пруд, неопрятный рыбак с удочкой, у ног его ведерко с ротанами. К нему подходит человек в легком свитере, спрашивает с улыбкой:

«Их едят?»

«За милую душу. Только отойди подальше и не задавай больше глупых вопросов: ты мне мешаешь».

«Вас понял».

Человек в свитере осматривается. Недалеко целуется пара, больше никого. Он идет к пустующей скамейке, садится, вытаскивает сигаретную пачку. На аллее показывается прохожий, мужчина лет пятидесяти, лысый, в очках. Он обращается к сидящему:

«Не угостите сигаретой?»

Тот протягивает ему пачку:

«Забирайте все».

Мужчина берет пачку.

Тотчас целующиеся и рыболов оказываются рядом, объектив высвечивает и других невест откуда взявшихся людей. Слышны вопросы-ответы.

«Вы знаете, что в сигаретной пачке?!» – это к лысому.

Тот кивает:

«Да. Фотоаппарат, деньги».

«Вы знаете, кто вам передал их?»

«Да. Этот человек знаком мне как Витор Эйджи».

Камера переключается на лицо человека в тонком свитере. Тот говорит возмущенно:

«Это ложь! Я не знаю этого прохожего, и я не Эйджи».

Рыболов тут же соглашается с ним:

«Да, вы не Эйджи, мы знаем, вы Артур Меллинджер, сотрудник американского посольства».

Пошли другие съемки. Автотрасса, черная «Волга», судя по номерам, ленинградская. Группа крепких мужчин подводит к машине некоего гражданина – в трико, спортивной куртке с надписью «СССР» на груди, в дешевых кедах. Ни дать ни взять – ветеран отечественного спорта, совершающий прогулку. Но текст говорит о другом:

«Задержан гражданин США во время закладки материалов шпионского характера в тайник, оборудованный в лесопарковой зоне в форме гриба чаги. Он сразу же дал признательные показания...»

Далее идет третья съемка. С экрана телевизора ведущий с узнаваемым лицом вещает в эфир:

«Сотрудники Комитета государственной безопасности пресекли деятельность целой шпионской сети. Одновременно в Горьком, Ярославле, Ленинграде и Москве задержаны шесть кадровых разведчиков ЦРУ, работавших под прикрытием дипломатических и торговых представительств США...»

Крупным планом показаны фотографии задержанных, их фамилии, должности.

Экран гаснет.

Капитан считает возможным дать пояснения прямо через окошко:

– Товарищ полковник, последний материал предназначался для эфира, но его изъяли буквально за два часа до показа.

– Может, и правильно, – сказал Полковник. – Зачем карты светить? На эту тему и в дальнейшем отслеживаем всю информацию, ясно?

– Так точно. А что ответить Максу?

Полковник встал с кресла, пошел к выходу из просмотрового зала, зачем-то щелкнул выключателем, врубив, но сразу же погасив люстру под потолком. Капитан уже стоял рядом с ним, ожидая распоряжений.

– Макс... Пусть надеется, что связь с Пятым восстановится. И готовится помочь ему.

Ну как же без рыбалки?

Циркач занял хорошее место для обзора. С развилки дерева, где он устроился, была хорошо видна поляна. На ней Хук с Физиком сидели над рацией, а Пятый с Пирожниковым тоже изучали схему, но уже без радиодеталей. На земле была начерчена схема базы «Зет 421:52», ягодами и веточками обозначены находящиеся на ней объекты.

– Запоминай, – говорит Женьке Платов. – Здесь вертолетная площадка, за ней, ближе к углу, стоят углом две стены из бетонных блоков. Это их тир. А нужная нам хижина, где, скорее всего, и держат Бабичева, расположена слева от выхода, дверь одна, вот с этой стороны...

Пирожников спрашивает:

– Вы были уже на их базах?

Платов игнорирует вопрос и продолжает инструктаж:

– Мы берем летчика, и по моему сигналу ты бежишь к реке. Смотри сюда внимательно. С вышки этот участок не обстреливается, мешают деревья. Потому плот мы расположим здесь...

– А откуда вы знаете про деревья?

Платов лишь вздыхает на очередной вопрос Пирожникова.

Хук подходит к ним, присаживается на корточки:

– До чего ж ребенок любопытный попался! Это наша работа, понял? Вот ты что-то знаешь досконально?

Пирожников отвечает не задумываясь:

– Да. Физиологию женщины, где и какие органы у нее расположены.

– В таком случае слушай и запоминай, чтоб в один из этих органов не попасть, понял?

Командир спрашивает у Хука:

– Как у Физика дела?

– Пара деталей нужна. Может, мы с ним прогуляемся к дороге?

– Нет. Нам все равно переходить трассу, вот там и поглядим, что к чему.

– Добро. Пойду еще Физiku помогу. Он там над одной вещичкой колдует...

Хук поднимается, уходит, и Физик протягивает ему крохотные круглогубцы:

– Подержи-ка, вот здесь...

Пирожников вытягивает шею, стараясь увидеть, что они там мастерят, но Платов опять обращается к нему:

– Не отвлекайся. От тебя тоже судьба операции зависит, пойми это. Главное: никакой самодеятельности, никаких экспромтов! Твое дело – сесть на плот, проплыть двести метров, прыгнуть на берег, а плот оттолкнуть. Там течение такое, что его потянет к другому берегу, и это собьет ищеек со следа, если что. А ты отправишься по прямой к своему дивизиону.

– А вы что, не туда разве пойдете?

– Не туда. Нам, Пирожников, в Москву надо, а тебе еще тут местных женщин любить.

Женька притворно глубоко вздохнул:

– Так не разрешают.

– И правильно, между прочим, делают. Ты знаешь, что такое мужское достоинство?

Пирожников коротко хохотнул:

– Кто ж не знает...

– Правильно думаешь, – сказал Платов и постучал пальцем по лбу. – Голова. И в нашем возрасте при ее помощи уже самому надо понимать, что и к чему может привести.

– Ну и к чему плохому это меня приведет?

– Головой-то надо своей думать, да не только о себе. Женщине хуже не станет? Жизнь у нее не сломается?

Пирожников тут же перевел разговор в другое русло:

– А плот откуда возьмем?

Платов смотрит на схему, чуть поправляет ягоду, обозначающую вышку с часовым, и говорит:

– Отдыхай. Еще раз взгляни сюда, закрой глаза и вспоминай, все ли детали помнишь.

А я к Циркачу пройду.

Через минуту Пирожников подсел к Физик с Хуком:

– Задание мне какое-то несерьезное дали. На плоту кататься.

Физик, не отрываясь от дел, спросил:

– А серьезное – это какое? Чтоб орден за него, да еще и посмертно?

– Да нет, я как Теркин, и на медаль согласен, но и за нее же люди потели, а тут...

– Попотеем еще, – вставил Хук.

– Слышь, Физик, а тебе за что такую кликуху дали?

За него ответил Хук:

– Он у нас почти нобелевский лауреат.

– Да ну? А если серьезно?

– А серьезно общей теорией поля занимаюсь, слышал о таком? – спросил Физик.

– Нет. Я больше по теории любви... Была у меня в институте одна красотулечка, дочь проректора, оторва, каких свет не видел! Редкое, между прочим, сочетание – красота и ум. У нее что ножки, что грудь, что глаза – картину пиши! И головка светлая. Медалистка. Но что она на даче вытворяла, куда я ее возил!.. «Ах, мой дружок! Иди ко мне! Утешь свою ненасытную девочку!»

– А звали ее как? – спросил Физик, не переставая возиться с какой-то хреновиной, похожей на мыльницу, заполненной проводами и радиодетальями.

– Татьяна. Она так и ворковала: «Я Татьяна, иди ко мне, мой дружок...» А чего имя спрашиваешь?

– Вдруг свидеться придется, – улыбнулся Хук.

– Нет, она скучных не любит.

– Да мы тоже. Надо только всему место знать. – И Хук поднялся с земли, увидев подхваченного Платова. – Командир, как насчет свежей рыбки, а? Тушенку побережь можно, мало ли что, а тут река рядом.

Платов посмотрел на часы:

– Сорок пять минут у нас есть.

Хук довольно кивнул:

– Уложимся. Пятнадцать минут ловить, пятнадцать готовить, десять кушать, пять – привести себя в порядок. Я пошел.

– Возьми и меня, – попросил Пирожников.

Хук, копаясь в своем рюкзаке, ответил:

– По инстанции надо обращаться, товарищ лейтенант. А вы – через голову. Так у нас не положено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.